

языках во многом сходны, поскольку они отображают общечеловеческую логику познания окружающей действительности.

Концептуализация цвета человеком, отражаемая в языке, может быть ограничена возможностями нейрофизиологии зрения, но в терминах нейрофизиологии зрения она не может быть ни описана, ни объяснена. Чтобы описать ее, нам следует обратиться к перцептивным признакам прилагательных.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231 – 291.
2. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 34 – 47.
3. Лаенко Л.В. От семантики цвета к социальной семантике языка: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1988.
4. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002.
5. Рябцева Н.К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка: Труды международного семинара. Диалог 2000.
6. Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000.
7. Kay P., McDaniel Ch. The linguistic significance of the meaning of basic colour terms. *Language* 54. 1978. P. 610 – 646.
8. McLaury R. E. *Colour and Cognition in Mesoamerica*. Austin, 1997.
9. Rosch E. Cognitive representations of semantic categories // *Journal of Experimental Psychology. General*. 1975. Vol. 104. P. 192 – 233.
10. Berlin B., Kay P. Basic colour terms: their universality and evolution. Berkeley, 1969.
11. Berlin B., Kay P., Merrifield W.R. *The world colour survey*. Dallas, 1991.

Об авторах

С.Н. Соскина – канд. филол. наук, проф., РГУ им. И. Канта.
К.Р. Петкелите – ассист., РГУ им. И. Канта, kristin19p@yahoo.com

УДК 830(091):801.73

М. С. Потёмкина

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ КАК ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА И КОММУНИКАЦИИ В РОМАНЕ Й. ШПАРШУ «КОМНАТНЫЙ ФОНТАН»

Конфликт между Востоком и Западом в романе Й. Шпаршу «Комнатный фонтан» представлен как языковая и коммуникативная проблема. Важную роль в этом контексте играют различия в менталитетах и интерпретации действительности гражданами Восточной и Западной Германии. Эти различные картины мира отражаются в языке и нередко становятся причиной недоразумений в процессе объединения.

The collision between the East and the West in the novel "The Room fountain" is presented as a language and communicative problem. Different mentalities and discrepancies in the perception of reality by citizens of East and West Germany play the key role in this context. These different visions of the world are reflected in a language and quite often become the reason of misunderstanding during reunification.

Язык, выступая как средство коммуникации и самовыражения, передачи информации и манифестации чувств, является неотъемлемой частью не только жизни каждого конкретного человека, но и каждого отдельно взятого общественного порядка. В социально-культурной системе той или иной страны он вбирает в себя закрепившиеся в ней нормы и ценности и создает свойственную только этому обществу картину мира: формула «разные страны – разные нравы» в этом контексте совершенно понятна. Но когда речь заходит об одной стране, в которой столкнулись два разных мира, это может стать поводом для иронии, как, например, в книге Й. Шпаршу «Комнатный фонтан».

В анализируемом романе главный герой, Хинрих Лобек, потерявший работу после объединения Германии, вынужден в течение трех лет просидеть дома, чувствуя себя как на необитаемом острове: «Я ни с кем не общаюсь, нигде не вращаюсь, никуда не хожу, – с тех пор как меня уволили, я сижу дома. Вернее, не сижу, а лежу. Я лежу полдня на диване и смотрю в окно» [1, S. 10]. Вновь «включиться в жизнь» герою не удаётся: «Все мои попытки вырваться из замкнутого круга и как-то снова найти место под вражеским солнцем до сих пор не увенчались успехом. Единственное достижение на этом поприще: я постепенно становлюсь все более молчаливым» [1, S. 18]. «Провалы на телефонном фронте» [1, S. 15] и полная изоляция приводят к сужению его словарного запаса («да», «нет», «аллю», «возможно», «вероятно», «не исключено» и в какой-то чрезвычайной ситуации «посмотрим»). При этом самому герою его молчаливость вовсе не мешает, потому что он частенько не знает, что ему говорить. Как и большинству граждан ГДР, Хинриху Лобеку было чрезвычайно сложно адаптироваться в новом мире. Главный герой пытается избежать вербальной коммуникации, так как не ощущает себя частью нового общества, а безработица и самовольная изоляция в четырех стенах только усугубляют эту ситуацию. Из упрямства он переводит язык в пласт «внутренней речи»: ведет разговоры с самим собой, разговаривает только со своей собакой и фиксирует собственные мысли и переживания в письменной форме в книге протоколов. Проблема социальной адаптации, таким образом, в романе постепенно трансформируется в языковую проблему, тем более что в бывшей ГДР граждане не могли свободно высказывать своё мнение.

Время, проведенное в ГДР, однако, не проходит для героя бесследно, и поэтому в протоколе, который он в это время ведет как дневник, а также в разговорах с самим собой, он использует слова и выражения, типичные для языкового ландшафта ГДР ("Fahrerlaubnis", "Planrückstände", "Parktasche", "Arbeitsschutzbelehrung"). В первую очередь Лобек документирует наблюдения за своей женой Юлией, которую подозревает в

измене: «Запись в книге учета: "Объект (Ю.) покинул супружескую квартиру около 7 ч 15 мин (цвет помады: лиловый!!!)... разговаривала по телефону с неким господином Хугельманом... достигнута некая договоренность: в ходе беседы неоднократно использовались следующие выражения: "здорово", "ну, потрясающе!"» [1, S. 10]. Стиль этих текстовых вставок подчеркнуто деловой, точный, ограничивающийся лишь ключевыми моментами. В языковом отношении это выражается в краткости синтаксически не законченных предложений. В отличие от субъективной формы дневника, в котором доминируют чувства и ассоциации, название «книга протоколов» предполагает объективность. Тем не менее субъективно окрашенная повествовательная перспектива Лобека иронически разрушает все притязания на объективность.

В языке главного героя сокращения и функционализмы доминируют и вне письменно зафиксированных наблюдений. Описывая внешность других людей, например своего коллеги Штрювера, он ограничивается лишь короткими заметками: «Штрювер (среднего роста, рыжеватые волосы собраны сзади в хвост, спереди залысины)» [1, S. 40]. В описание нового шефа Болдингера Лобек отмечает не только его возраст и безукоризненное чувство стиля, но и превосходную манеру держаться. По словам Ульрике Бремер, талант наблюдателя Лобека, в контексте его биографии, вызывает негативные ассоциации с имевшей место в ГДР взаимной слежкой [2, S. 209]. Часто используемые героем номинализмы, например "Selbstfindungsaktivitäten", "Vorsichtsmaßnahmen", "Sicherheitsrisiko", "Überraschungseffekt", "Beweisstücke", "Fälscherwerkstatt", "Vorfall "Hobbyraum"", отражают функциональный объективный язык системы ГДР, который часто использовал метафоризированные образы борьбы. Таким образом, официальный язык ГДР присутствует и в бытовой речи рассказчика. При этом он находится под влиянием не столько идеологии, сколько её языковых структур, превратившихся в привычку. На это указывает то, что герой не использует в своей речи такую идеологически окрашенную терминологию и типичные для ГДР атрибуты, как, например, "sozialistisch", "kollektiv" или "volkseigen" [3, S. 15].

Из контекста следует, что Лобек склонен к драматизации событий в своем описании. Для представления простейших будничных ситуаций он использует сложные формулировки, которые «обюрокрачивают» их. Так, например, при уборке квартиры или при подготовке рождественского ужина герой говорит о «проведении подготовительных мероприятий» или о «приведении кухни в стартовую позицию» [1, S. 143]. Использование понятий из области криминологии в личных ситуациях представляет жизнь Лобека как последовательность действий, за которыми следует наказание. Когда жена уходит от героя, он называет её «беглянкой» ("Ausreißerin") и одновременно предполагает, что она, возможно, удерживается где-то в «заложниках». Он ищет этому подтверждение в виде «улик» и хочет «предпринять шаги», чтобы добиться «немедлительной выдачи» своей жены [1, S. 86].

Формальное исчезновение социалистического государства было связано и с исчезновением некоторых названий и понятий, характерных для идеологической и бюрократической системы. Наряду с этим,

благодаря открытию границ и увеличению западных влияний, определенным изменениям подвергся и повседневный (общественный и индивидуальный) словарный запас. В романе Шпаршу рассказчик критически наблюдает за этими языковыми изменениями на примере своей жены. Узнав о приглашении Лобека на семинар, она реагирует фразой «Слушая, да это же здорово!» (aber, Mensch, das ist ja toll!). Комментарий Лобека — «Вот опять эти хугельмановские словечки» [1, S. 25] — отражает как скептическое отношение героя к западным влияниям на язык, так и его ревность к Хугельману, олицетворявшему Запад. Словечко „toll“ использует и Болдингер после удачной симуляции Лобеком ситуации продажи на семинаре в Бад Зюльце. Западное заимствование, используемое женой, Лобек воспринимает как провокацию, как угрозу себе, так как это слово символизирует профессиональный и социальный «успех». Успех, которого, по мнению героя, он не сможет добиться.

Тем не менее в его собственную речь все чаще и чаще внедряются слова и выражения западного лексикона. Это связано с тем, что главный герой становится агентом по продажам комнатных фонтанов в одной из западных фирм. Особое впечатление производит на Лобека тактическая и ориентированная на психологию продаж риторика, с которой он сталкивается в процессе адаптации на новом месте работы. Язык его шефа напичкан понятиями из профессиональной сферы продаж, описанными в учебных пособиях по маркетингу. О желании достигнуть успешного заключения сделки говорит и «стратегический» вокабуляр другого его коллеги Штрювера. Как в шахматной партии, он говорит о «классическом дебюте» (“klassische Eröffnung”) или «различных вариантах начала партии» (“Eröffnungsvariationen”) [1, S. 42]. В случае удачного исхода дел Лобек должен сделать «шаг конем» и «сгонять в машину за экспонатом», в то время как Штрювер будет «удерживать плацдарм» [1, S. 42]. Процесс продажи похож на игру по определенным правилам. В деловитости профессионального языка заинтересованное отношение к чувствам или личной жизни потенциального покупателя — притворно, он ориентируется исключительно на достижение поставленной цели. Представляя в своем романе Западную Германию в образе агентов по продажам комнатных фонтанов, Й. Шпаршу ограничивает их язык сферой торговли. Если в языке бывшей ГДР доминировала метафоризация борьбы и идеологическая терминология, то типичными для языка ФРГ автору представляются торгово-стратегическая и ролевая лексика и завуалированные формулировки тренингов по продажам.

Таким образом, главный герой оказывается между фронтами двух общественно доминирующих языковых систем, поскольку взгляды граждан ГДР и ФРГ сформировались под влиянием различных ценностных категорий и идеологических контекстов. Как отмечает Хорст Шлоссер, важную роль в связи с этим играют «различия в толковании действительности» гражданами старых и новых федеральных земель, которые отражаются в их языке и нередко становятся причиной недоразумений в процессе объединения [3, S. 231]. Эти недоразумения практически управляют жизнью рассказчика после Объединения и определяют его отношения с другими людьми.

После того как Лобек стал агентом по продажам, его активный словарный запас пополнился лишь двумя выражениями – “kein Problem“, “Alles klar“ [1, S. 59]. Оба выражения соответствуют типичному западному жаргону и означают, что каждую проблему можно решить и, в принципе, нет ничего невозможного. В процессе работы в западной фирме отторжение героем западно-немецкого языка постепенно исчезает. В результате на презентации комнатного фонтана он использует заученные во время тренинга фразы. Однако это не помогает бизнесу, а наоборот, именно молчание во время демонстрации собственной модели комнатного фонтана «Атлантида» приводит к успеху: «Я не сказал ни слова. Впрочем, мне и не надо было ничего говорить. АТЛАНТИДА говорила сама за себя...» [1, S. 103]. Ирония Шпаршу заключается в том, что самым неожиданным образом рассказчик добивается успеха в новом обществе именно в те моменты, когда он нарушает правила коммуникации и не оправдывает ожидания своих учителей. Таким образом, как считает У. Бремер «Й. Шпаршу высмеивает закостенелость этих правил, как впрочем и отождествление себя с различными общественными группами через определенный языковой кодекс» [2, S. 206].

Недоразумения между Лобеком и его западным коллегой представлены в иронически обостренном, перегруженном клише и предубеждениями диалоге. Штрювер принимает своего восточного коллегу за бывшего сотрудника службы госбезопасности и хочет вынудить его в этом признаться, намекая на «контору» (die Firma), которая является для него синонимом слову «штази». Для Лобека же «контора» – это всего лишь ЖКХ. Главному герою кажется, что Штрювер «ни с того ни с сего перешел к теме госбезопасности... как-то резко перескочил с одной темы на другую» [1, S. 112]. Очевидно, что стереотипное представление Штрювера о восточных немцах не совпадает с индивидуальной реальностью Лобека. Комизм ситуации усиливается и за счет того, что, пытаясь вывести Лобека «на чистую воду», сам Штрювер из-за двусмысленности ситуации начинает вызывать у нашего героя подозрения в том, что тот сам чего-то недоговаривает о своей прошлой жизни. Во время следующей частной встречи в мастерской Лобека происходит ещё одно выяснение отношений, которое приводит к очередному недоразумению. В этот раз преувеличенная доброжелательность Штрювера, постоянные расспросы, а также повышенный интерес к личной жизни Лобека вдруг наводят последнего на мысль о гомосексуальности западного коллеги. Тем более что и его внешний вид – хвостик и вычурные шелковые рубашки – это подозрение подтверждают. Штрювер же, в свою очередь, воспринимает смущение Лобека и факт, что тот покраснел во время разговора, как подтверждение собственных предположений. Таким образом, комплексы и нерешительность открыто высказать свои подозрения оппоненту приводят к тому, что взаимные подозрения не развеиваются. Оба остаются в заблуждении и не выходят за рамки своих стереотипных представлений друг о друге. Штрювер так и остается уверенным в связи всех восточных немцев со службой госбезопасности, а Лобек находит подтверждение в приверженности западных немцев к сексуальным «аномалиям». Коммуникация не удается, так как

оба ее участника не расстаются с привычным лексиконом и с типичными для их общественных систем картинами мира. Симптоматичным для отчужденного диалога между Востоком и Западом является заключительное замечание Лобека «Я думаю, Уве понял меня» (“Uwe, glaube ich, verstand”) [1, S. 127].

Этот момент непонимания или своего рода «языковой затор» Йенс Шпаршу комично и очень символично описывает в сцене, когда главный герой не может продолжать коммуникацию, подавившись куском колбасы. Этот кусок физически не позволяет герою разговаривать так же, как и влияния общественного языкового кода ограничивают его в собственных возможностях выражения. Комизм ситуации, почти переходящий в гротеск, открывает в тексте романа целый ряд значений, которые вытекают из контекста общественных и исторических процессов в Германии. Особенно ярок эффект юмористического преломления ситуации в тех случаях, когда мысли и слова действующих лиц романа мешают беседе. Герои говорят о глубоком понимании друг друга именно тогда, когда между ними возникают особенно большие недоразумения.

В частных, жизненных ситуациях Лобек реагирует на все, с точки зрения языка, так же деловито и неэмоционально, как в бизнесе. В своем разговоре с Юлией о проблемах в отношениях он применяет основные правила из пособия по теме «Стратегия отвода возражений и борьбы с критикой» [1, S. 63]. Эти правила должны убедить покупателя сделать покупку. Конфликт между супругами показывает, что специфическая манера общения западных представителей мешает успешному взаимопониманию. С одной стороны, переплетение частной и профессиональной коммуникаций, как образа западной рыночной экономики, представлены в романе «Комнатный фонтан» комически. С другой стороны, они раскрывают трагизм положения главного героя, так как он был и остаётся проигравшим. По справедливому замечанию Е. Майнгольф, «то, что в новой Германии называется успехом, не может заменить ему его собственную идентичность» [4, S. 4]. В итоге, герой приходит к полной изоляции и потере языка: «Слова исчезли. Ушли, наверное, на заслуженный отдых, в отпуск. Но я совершенно не скучал без них, даже не думал. И все же в предстоящем разговоре с Юлией мне будет некоторых из них не хватать. На всякий случай я решил произвести ревизию и сказал столу — “стол”, стакану — “стакан”, сигарете — “сигарета”, пеплу — “пепел”, пыли — “пыль”. Чтобы услышать хоть какой-то звук человеческой жизни, я рассмеялся, глядя в стенку: “ха-ха-ха!!!” Бетонная плита отозвалась коротким суховатым эхом» [1, S. 142].

Как следует из романа, Йенс Шпаршу показывает проблему процесса объединения прежде всего как проблему языка. Автор пародирует имманентные структуры обоих немецких обществ и иронически показывает искажения в представлении действительности своим героем. Вероятно, именно поэтому автор редуцирует манеру говорить отдельных персонажей до индивидуальных характеристик. В центре его внимания, наряду с неудавшейся коммуникацией главного героя в объединенной Германии, оказывается влияние государственной власти в

качестве системы общественных ценностей на самовыражение и идентичность отдельного человека. Одновременно, перенеся действия в область сферы продаж, Й. Шпаршу подчеркивает, что в новом обществе экономическое слияние в объединенной Германии становится намного важнее сближения между людьми, как бы намекая на то, что политическому освобождению не сопутствует освобождение языковое. Полярность восточного и западного общества, которая возникает, как было указано выше, из-за разных ценностей и идеологий, нивелируется в тексте на языковом уровне. По словам У. Бремер, «для рассказчика Лобека вместе с объединением одна инструментализированная языковая система просто была заменена другой» [2, S. 208].

В своем романе Шпаршу объявляет утрату языка как выражение утраты смысла и родины после падения ГДР. Сложности, возникающие в процессе коммуникации, только усиливают чувство отчужденности по отношению к ФРГ и её гражданам и приводят к обращению Лобека и других действующих лиц к ностальгическому понятию родины и искаженному образу ГДР. Модель комнатного фонтана «Атлантида», будучи символом мещанства, одновременно становится ироническим символом ностальгии. Подобное ироническое преломление является характерной для Шпаршу формой эстетического отчуждения. Следует также отметить, что в образах представителей Восточной и Западной Германии, прежде всего через их язык, автор высмеивает стереотипные представления и предвзятые мнения во вновь объединенной стране. Несмотря на комизм, вытекающий из отдельных ситуаций, и несоответствие между действительностью и представлением о ней, читателю наглядно показано доминирование языковых структур как одного из факторов конфликтов в период внутринемецкого сближения. В связи с этим писатель И. Шульце пишет следующее: «Я утверждаю, что невозможно безнаказанно использовать один и тот же стиль для времени до и после 89–90-го. Значение языка, которым пользуются люди в системе, основанной преимущественно на идеологических постулатах, отличается от языка, который формируется в системе “товар, рынок, деньги”. Эта прописная истина, однако, не всегда учитывается» [5, S. 170].

Список литературы

1. *Sparschuh J.* Der Zimmerspringbrunnen. Roman. Köln, 1995.
2. *Bremer U.* Visionen der Wende. Eine textanalytische Untersuchung erzählerischer Prosa junger deutscher Autoren zur Wiedervereinigung. Osnabrück, 2002.
3. *Schlosser H. D.* Die deutsche Sprache in der DDR zwischen Stalinismus und Demokratie. Historische, politische und kommunikative Bedingungen. Köln, 1990.
4. *Meinolf E.* Deutsch-deutsche Befindlichkeit auf den satirischen Nenner gebracht // Hamburger Abendblatt. 1996. 02. 01.
5. *Schulze I.* Stil als Befund // Experiment Wirklichkeit. Renaissance des Erzählens? / Hrsg. von Gerd Herholz. Essen, 1998.

Об авторе

М.С. Потёмина – канд. филол. наук, доц., РГУ им. И. Канта, mpotemina@mail.ru